

БИО
ГРАФИЯ

Татьяна Щепкина-Куперник

Ермолова

ФТМ

Биография (ФТМ)

Татьяна Щепкина-Куперник
Ермолова

«ФТМ»

1972

Щепкина-Куперник Т. Л.

Ермолова / Т. Л. Щепкина-Куперник — «ФТМ»,
1972 — (Биография (ФТМ))

ISBN 978-5-44-673250-0

«Мария Николаевна Ермолова – это целая эпоха для русского театра и символ женственности, красоты, силы, пафоса, искренней простоты и скромности», – писал об актрисе восторженный поклонник ее таланта Константин Станиславский. В своей книге известная писательница, драматург и поэтесса Татьяна Львовна Щепкина-Куперник с остротой и живостью личных впечатлений рассказывает об игре Ермоловой и всего блестящего ансамбля актеров, которым славился Малый театр на рубеже веков. Это не обычная мемуарная книга – в ней с большой полнотой воссоздана жизненная и творческая биография актрисы, ее окружения, она раскрывает перед читателем богатый и сложный внутренний мир гениальной актрисы русского театра Марии Ермоловой.

ISBN 978-5-44-673250-0

© Щепкина-Куперник Т. Л., 1972
© ФТМ, 1972

Содержание

Семья и детство	5
Юность. Трудные годы	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Татьяна Щепкина-Куперник Ермолова

Семья и детство

Семья Ермоловых из поколения в поколение так или иначе была при театре. Сперва при крепостном театре, затем – уже в Москве, в Малом и Большом. Кто из них – в ком была искра таланта – был актером, танцевал в кордебалете, играл в оркестре, кто – служил при гардеробе, но театральным воздухом дышали все, в театре видели и главный интерес, и кусок хлеба, и весь смысл жизни.

В разные стороны тянулись ветви ермоловского «генеалогического древа», то слабее, то сильнее, пока не дали того изумительного цвета, которым оказалось творчество Марии Николаевны Ермоловой. И кто знает – расцвело ли бы оно так пышно, если бы к этому не было почти вековой подготовки, той благодарной почвы, которую представляла собою эта театральная семья.

Можно начать с деда Марии Николаевны – Алексея Семеновича Ермолова – скромного труженика при гардеробе Малого театра. Исстари работники технического персонала славились как большие знатоки сцены и артистов. Они почти безошибочно предсказывали успех той или иной пьесы по первому представлению, того или иного актера по его дебюту. Почти всегда они были любителями театра. Такими же вырастали и их дети. Они только и слышали что разговоры о театре. Мечтой каждого ребенка было попасть в театр. Об этом же для них мечтали и родители. И вот у помощника театрального гардеробмейстера А. С. Ермолова все шестеро детей – четыре сына и две дочери, – конечно, попали в театр. Все они провели свое детство в маленьком подвале на Третьей Мещанской и долгое время из слепых окошек подвала видели только идущие, бегущие и ковыляющие мимо ноги. Вырывались она оттуда только в театр. В их жизни было два полюса: подвал и театр. В театре все было увлекательно: там были и дворцы, и сказочные палаты, и сады – все, чего не хватало в тесном подвале. Естественно, что туда тянули их мечты и желания. Так или иначе, эти мечты осуществлялись: всех детей Алексей Семенович «вывел в люди», как говорилось.

Старший, Александр, был драматическим актером¹. Он не лишен был дарования, играл с большим успехом в «Хоть тресни, а женись» Мольера и русские «рубашечные роли». Но, к несчастью, далеко не пошел. Он пил. Тогдашние условия часто были невыносимы для даровитых натур и заставляли их искать прибежища в вине. Печальный пример этому был П. С. Мочалов, друживший с Александром Ермоловым. Их постоянно видели вместе, и вместе она проводили время в московских трактирах. Но гениальной натуре Мочалова это не помешало стать первым актером. У Ермолова такого дарования не было, и он сошел на нет. Мария Николаевна, отличавшаяся исключительной памятью, хорошо помнила и своего дядю. Он всегда ходил в плаще, задрапированном по-испански, в широкополой шляпе, у него было значительное, характерное лицо – он мог бы служить образцом для грима Несчастливцева. Вид у него был в высшей степени романтический, речь напыщенная, с литературными оборотами и цитатами. Он много времени проводил по трактирам, считая, что встречается там с интересным обществом. Кого только ему там ни приходилось видеть! В этих трактирах бывал и Мочалов, читавший там Шиллера вслух, бывали и студенты – и туда залетали идеи Грановского, западников – ведь в то время бесправия и общей подавленности часто только за бутылкой развязывались языки, и люди находили смелость проповедовать свои идеи; и смесь тоски, неправильно поня-

¹ Он служил в Малом театре с 1836 года.

того и неорганизованного протеста и разгула давала типы, достойные героев Достоевского, который также нередко делал местом действия своих произведений трактиры.

Второй сын Алексея Семеновича, Петр², – так же как младший, Иван, – окончил балетную школу. Иван³, очень способный, впоследствии известный Москве преподаватель танцев, славился своей лихой мазуркой в «Коньке-Горбунке».

Третий по счету сын – «Ермолов 3-й» (отец Марии Николаевны), наиболее даровитый из всех братьев, – был суфлером в Малом театре. Он был талантливый человек, хорошо рисовал, писал прозу и стихи, по тому времени прекрасно знал литературу. Однако из-за куска хлеба пришлось пойти на первое предложенное место – это оказалось место суфлера⁴, – и на нем он и окончил свою жизнь, заполучив в пыльной будке туберкулез, но зато убедившись, что он дал жизнь великой артистке.

Обе дочери Алексея Семеновича – Клавдия и Вера – были танцовщицами. Клавдия была неглупа, бойка, по тому времени довольно образованна, даже училась по-французски. Вера была жестокой истеричкой, но одарена богатым воображением: она рассказывала Марии Николаевне сказки, очень увлекавшие ее.

Вся семья Ермоловых – я говорю об Алексее Семеновиче и его детях – была необычайно дружная, уклад там существовал самый патриархальный. Когда младшего, любимца родителей, «Ванечку» – тогда молодого человека лет двадцати – взяла с собой в гастрольную поездку знаменитая петербургская танцовщица Андреевна в Тамбов, Саратов и другие города, семья его, не только родители, но и братья и сестры, волновалась больше, чем теперь волнуемся мы, отправляя близких в Арктику или на Дальний Восток. Путешествие в «мальпостах» пугало. Наставления, просьбы беречь себя, тревожные ожидания писем – составляли за это время жизнь семьи. Ему пишут: «Если бы мы знали, что твоя поездка затянется на целых два месяца, мы не отпустили бы тебя с Андреевной...»

Брат Николай, упрекая его за неопределенность писем, пишет: «Я бы желал знать, не только что и когда ты там пляшешь, но и куда ты ходишь? Ты ведь знаешь: бывало ты и в Москве запоздаешь час-другой – и уже думается: где Иван? Что это он там? Как он запоздал!..» и дальше: «Ты пишешь – «дела идут своим чередом». Фраза немного туманная. Что это значит? Ее можно понимать на десять манер. Может быть, ты ломаешь там, как водовозная лошадь, и до этого никому и горя нет?» «...Мы получили письмо, бросились на него все гуртом, а глядь недостает и на одного...». И он советует брату: «Пиши ясно, толково, опиши дело: нечего наводнять письма лишними заздравными поклонами. Одно слово дельное лучше десяти пустых». Николай Алексеевич писал Ване чаще других, часто под диктовку отца. И не взирая на необычайное почтение к отцу, которого даже начитанный Николай звал, как и все остальные, «тятенька», иногда вносил коррективы в тятенькины наставления. Например, старик внушал Ване, чтобы он «не сорил деньгами», так как деньги вещь важная и нужная в жизни (слишком хорошо знал бедный старик, что такое нужда в деньгах), а Николай прибавлял от себя: «Тятенька тебе пишет «береги денежку»: береги, брат, да не скупись: бог даст здоровье – даст и деньги. Трать куда нужно». Или, когда отец советовал по-старинке Ивану привезти «гостинцы» начальству, например – туфли балетмейстеру, которого Николай Алексеевич презирал за то, что он, по выражению брата Петра, «перед начальством так и ползает и впрямь и вкось», – Николай сердито приписывал: «...и без туфель обойдется, поищи-ка ему лучше на ярмарке пеньковой веревки – 3 аршина за-глаза хватит». Он пишет Ивану, советуя ему не затягивать поездки, а поскорее вернуться, так как родители очень тоскуют по нем: «Тятенька

² Был «выпущен из экстернов школы в 1840 г. на роли слуг». Ленский называет его среди «превосходных актеров на аксессуарные роли» (см. А. П. Ленский, Записки. Дневники. Письма, 1935, стр. 356).

³ С семи лет выступал в Большом театре. Оставил сцену в 1882 г. Преподавал с 1880 по 1898 г. в Московском театральном училище. Умер в 1914 г.

⁴ В Малом театре он служил с 1846 по 1878 г. Умер в 1886 г.

от огорчения, что не видит тебя, сделался совсем нездоров. Старость самая большая болезнь, а если к старости – болезнь сердца о любимом сыне, то человек и без болезни болен. Тятенька даже не может писать сам. Дрова и вода, которые он перетаскал на своем веку, слишком сильно обидели его руки...»

Семья так привыкла не разлучаться («...вы никто так далеко от нас не разлучались», – пишет Ивану мать, причем самым дальним пунктом поездки был Саратов...), что праздники, проведенные в разлуке, казались всем чем-то очень грустным. Николай Алексеевич пишет брату: «Душою мы все будем на твоих именинах: купим за свой счет бутылку Ланинского – и гуляй душа!..» А Иван отвечает, сообщая о своем большом успехе в па-де-де с Андреяновой в балете «Исступление вакханки»: «Хотя я пил шампанское с Андреяновой, но мне было бы приятнее выпить с вами бутылку Ланинского, о которой ты пишешь».

В ответ на одно из писем брата Николая, в котором тот упрекал его, что мало пишет о себе, – он отвечал ему настоящим объяснением в любви. Он вообще был к нему ближе, чем к остальным: другим братьям он говорил «вы, братец», а Николаю – сердечное «ты». Николай, отвечая, шутливо описывал их быт: «Башмачник сосед все голубей гоняет, мы с Петром у Каменного моста рыбу ловим, тятенька самовары ставит, маменька Машу нянчает... Милая моя Маша начинает говорить» (речь шла о Марии Николаевне, которой в то время минул год). «Ну, живи, трудись, учись, танцуй и смейся!» А внизу приписка – скупая на слова, но богатая чувством: «Твои строки ко мне тронули меня до слез».

Братья и сестры сообщали друг другу все мелкие события их несложной жизни: танцовщик Венер прислал Ване балетные туфли из Петербурга; танцовщица Лебедева отказала Монтасю в руке, и они поссорились, а публика принимает в этой ссоре живое участие; Машенька, глядя на портрет дяди Вани, говорит длинное «О-о-о!»... На что Иван писал: «Милая Машенька О-о-о! Воображаю, как она мила, – как я ее в последний раз видел в белой рубашечке, трепанную, на руках у Александры Ильиничны – словно ангела...»

Поездка подходит к концу: затянулась на зимние месяцы. Семья сколачивает и посылает Ивану енотовую шубу (эта шуба служила ему до старости лет). Пишут: «Постарайся ехать сообща – не один – и дешевле и не так опасно...».

Жизнь была трудная, но из подвала вышли. К тому времени, к которому относятся эти письма, дети уже все были на ногах. Одна дочь была замужем, три сына были женаты. Жили по старине. Девушки сидели в своих светелках и шили себе приданое, которому велась аккуратная роспись, отдававшаяся жениху в день свадьбы, вроде:

- «1) Божьего благословения серебряные вызолоченные три образа.
- 2) Двое серег, алмазные и турмалиновые.
-
- 7) Шаль черная французская.
- 8) Мантилья бархатная.
- 9) Платок вигоневый.
- 10) Салоп чернобурый крыт атласом.
-
- 12) Подушек пуховых десять.
- 13) Наволочки кисейные с кружевами и ланкотовые.
-
- 20) Мужские туфли...»

Эти туфли сами невесты вышивали, гадая и не зная, кто-то будет их носить, пока тятенька и маменька не окликали: «Сашенька – или Оленька, – спустись вниз!» – и знакомили с женихом, выбранным родителями. Эти времена, впрочем, быстро проходили. Не надо забывать, что

то была эпоха Веры из «Обрыва», Елены из «Накануне», и веяние новых идей проникало и в убогие подвалы и в скромные девичьи светелки.

Стоит проследить кратко историю отпрысков ермоловской семьи. По смерти отца мать осталась с Иваном, бывшим не только любимцем, но и кормильцем ее, несмотря на огромную свою семью. Петр, наиболее зажиточный, взявший за женой домишко у Харитония в Огородниках, переехал туда, а Николай с женой и Машенькой жил в переулке около церкви Спаса, в подвальном этаже, в домике просвирни, где и прожил около восемнадцати лет, сменив лишь со временем подвал на верхний этаж. Алексей Алексеевич жил в одном из арбатских переулков. Своих детей он не имел: у него были две падчерицы, из которых одна, Аня, влюбилась в студента; когда родители запретили ей думать о нем, Аня не осталась в своей светелке ждать, за кого маменька и папенька прикажут выйти, а пошла в церковный сад и там, весенним вечером, под яблоней, перерезала себе горло... Вот вам и Джульетта от Николы на Курьих ножках!.. Ее спасли, и она-таки вышла за своего студента. Петр Алексеевич был самым крепким и удачливым из братьев, хорошим хозяином. Он крестил Машеньку, и вся семья питала к нему уважение как к правильному человеку и блюстителю семейных традиций. Однако братья осмеливались иметь и свои мнения, и когда за что-то Петр был недоволен младшим братом Иваном и сказал ему важно:

– Ты дурак, брат Иван! – то Иван почтительно ему ответил:

– И вы дурак, братец Петр!

У Ивана Алексеевича было тринадцать душ детей. Из них многие были причастны к театру: Елизавета Ивановна была танцовщицей Большого театра⁵, Мария Ивановна, под именем Ермоловой 2-й, двадцать лет служила в Малом театре⁶, Надежда Ивановна была консерваторка, хорошая музыкантша, Алексей Иванович, кончив консерваторию, играл на скрипке в оркестре Большого театра. Следует упомянуть о Василии Ивановиче. Он с четырнадцати лет давал уроки, не беря у отца ни копейки, студентом был арестован за участие в университетских беспорядках и выслан в Тверь. Он по тому времени отличался передовыми взглядами. Ввел у себя в семье обычай не говорить прислуге «ты», здороваться с ней за руку, – тогда это было смелостью необычайной. Он имел большое влияние на своих молодых сестер. Окружение у него было радикального направления.

Василий Иванович, видя страстную любовь сестер к театру, устраивал у себя «субботы», на которых происходили драматические и литературные чтения, с разбором пьес, критикой и обсуждением, и старался ввести в русло их энтузиазм. На этих вечерах совершенно отсутствовал флирт, и молодые девушки, по воспоминаниям их, чувствовали себя как бы весталками искусства. Иногда там бывала и Мария Николаевна. Кончалось все чаем с колбасой, потому что спиртных напитков в доме Василия Ивановича не допускалось...

Разъехавшись по разным местам, братья и сестры не теряли друг друга из вида. По праздникам посещали то того, то другого. Одним из самых ранних впечатлений Марии Николаевны были эти посещения крестного у Харитония в Огородниках. Семья Николая Алексеевича жила очень бедно, приходилось рассчитывать каждую копейку, и, уж конечно, нельзя было думать тратить на извозчика, хотя они брали от 7 до 10 копеек за конец. И вот, девочкой лет трех-четырех, она отправлялась с матерью сперва к Дорогомилову в бани, а оттуда к Харитонию навещать крестного. Мать несла на руках маленькую Аню⁷, а Маша, как «большая», должна была через всю Москву поспевать пешком, и когда маленькие ноги уставали, она только тихонько

⁵ С 1882 по 1902 г.

⁶ С 1886 по 1907 г.

⁷ Младшая сестра Марии Николаевны, по мужу Шереметевская (1856–1921), впоследствии видный педагог и поборник женского образования.

плакала, жаловаться смысла не было: она рано постигла это, и тут крылись первые истоки ее сдержанного молчания в тяжелые минуты жизни...

Конечно, бывали и приятные впечатления. Например, угощение «багдадскими пирожками», которые приносил отец. Что это за багдадские пирожки, нам так и не удалось установить, но Мария Николаевна рассказывала о них как о чем-то замечательном, – какие-то пряники с малиновым вареньем, обсыпанные сахаром, в которых все, начиная с названия, было увлекательно. Машенька ведь с детских лет росла не столько в атмосфере сказки, сколько в атмосфере пьес: у суфлера Николая Алексеевича почти единственной литературой в доме были пьесы, и мать Марии Николаевны, Александра Ильинична, страстно любившая театр, постоянно читала девочке вслух всевозможные пьесы, начиная с Полевого и Коцебу и кончая Шекспиром. Читала она ей несомненно и «Багдадского пирожника», и нет ничего удивительного, что название «багдадских» придавало особый вкус пряникам. Но, как ни искали этих пряников по всей Москве, чтобы угодить Марии Николаевне, найти их не могли. Да, может быть, надо было найти не те пряники, – а усталость после прогулки, ласку матери, совавшей ей лакомый кусочек, редкую улыбку отца и вообще детство Ермоловой...

Приведу картину более ранних лет Марии Николаевны по сохранившимся отрывочным воспоминаниям сестры ее, Анны Николаевны. Отрывки эти не претендуют на литературные достоинства, но картину скромного быта ермоловской семьи дают ярко, хотя не исчерпывающе: далеко не все краски были так светлы в этой картине, как они казались писавшей на склоне лет Анне Николаевне. Быт был жесток, и семье Ермоловых в их подвале жилось тяжело.

«Церковь Спаса стоит вдали от шума больших улиц, посреди обширной немощеной площади, обстроенная с трех сторон домишками причта. Вот и домик просвирни: низ каменный, верх деревянный, в три окна. Нижние окна вровень с землей – их заливало бы дождевой водой, если бы не вырытая перед ними канавка. Ближе к церкви огорожено небольшое пространство – бывшее кладбище, на что указывают несколько сохранившихся надгробных плит. Это место все заросло травой. Местные ребятишки дали ему название «травки», и так и просят матерей: «Мама, пусти на травку!» Тут естественное местонахождение всех ребятишек: садик есть только при доме священника, но туда не велено ходить.

Постороннему человеку, случайно забредшему на «травку», она показалась бы просто пыльным пустырем. Не то для детей: для них тут множество ресурсов. Весной «травка» покрывается вся желтыми одуванчиками; из них делают венки, царские короны, из стеблей цепочки и браслеты. Птичьи перья в изобилии валяются на «травке» и составляют тоже игрушки для детей. Конечно, «травка» невелика, но отлично исследована детворой: нужна ли трава «мокричка» для канарейки, – знают, где ее достать, обрезал ли кто палец, – подорожник тут как тут. Собирают и ромашку, сушат и тысячелистник от кашля... Но самое интересное – памятники: они обладают способностью превращаться во что угодно – то в скамью, то в коляску, то в королевский трон, – смотря по тому, какую игру затеют дети. Иногда, в сумерки, кто-нибудь из них, сидя на могильном камне и воображая, что едет в далекое путешествие, вдруг со страхом шепнет: «А что, если покойник?..» – и вся стая, как воробы, в ужасе снимается с места и опрометью бежит домой».

У Машеньки были свои любимые игры: конечно, «театр». А кроме того, игра, тоже представлявшая как бы целую серию пьес: «в злые богачки» и в «смешные богачки». Две куклы представляли Ваню и Машу, и разыгрывались их разнообразные приключения, причем «злые богачки» всячески мучали и преследовали детей, а «смешные богачки» были добрее и в конце концов приходили на помощь. В этих смешных, но добрых созданиях, несомненно, крылись зародыши диккенсовских персонажей, столь любимых Марией Николаевной, вероятно, подсмотренных с натуры в детском окружении, тех чудаков и чудачек, о которых вспоминала впоследствии Мария Николаевна, говоря: «Я видела много таких типов, что вы себе и представить не можете».

Девочки жили жизнью своей скромной семьи, бегали по поручению матери через улицу за хлебом, крепко зажимая в руке медную монету и озираясь со страхом, чтобы не попасть под лошадь.

– Здравствуйте, Трифон Трофимович, дайте на пять копеек черного хлеба.

В ответ русский купец с окладистой бородой отвечал «пожалуйте-с» и вручал краюшку хлеба. Опять стремглав летели назад через улицу – страшно, не то что на церковной площади!.. «Потом помогали матери убрать комнаты, накрыть стол... Семья ютилась в двух комнатках и кухне, за которые платили семь рублей в месяц, третью сдавали за четыре рубля какой-то немке, госпоже Мур. В комнатках был старый, купленный по случаю рояль, а на окнах стояли цветы: фуксии, герань, летом иногда левкой, которые заботливо выносились на двор освежиться, когда шел дождь. В эти окна весной долетал запах сирени из поповского палисадника; что греха таить, девочки иногда потихоньку ломали ветки душистой сирени в сумерках; эта сирень приносила им столько счастья. Усталое лицо матери освещалось улыбкой при виде сирени, и у нее не хватало духа запрещать это – все равно другие ребятишки к утру все оборвут. Под вечер, когда работать становилось темно, а свечи было жечь жалко, – мать пользовалась этим временем, чтобы выйти с девочками отдохнуть и подышать воздухом за воротами. То же делало большинство соседок: матушки-просвирни, мастерицы-белошвейки весной и летом наслаждались здесь природой».

Повторяю, были и другие краски в картине этого детства: были минуты горькой нужды и настоящих лишений. Стоит привести из тех же воспоминаний рассказ Анны Николаевны о том, как кошка стащила кусок говядины, оставленный отцу на ужин.

«Кошка, с говядиной в зубах, выпрыгивает из окна. За ней кидается Аня и ловит преступницу у самого поповского палисадника. Ура! Говядина цела! Кошка только схватила ее, а съесть не успела. Положим, она в пыли, потрепана, но ее можно вымыть в кипятке – папа и не узнает, – а ужин все-таки будет! И точно гора свалилась у них с плеч».

Много говорит этот бесхитростный рассказ: и о той бедности, которая заставляла отобранный у кошки кусок мыть и опять класть обратно, и о том, какая гроза ждала бы всех, если бы отец остался без ужина по их недосмотру. Николай Алексеевич был в своей семье большим деспотом, перед ним трепетали все, начиная с кроткой Александры Ильиничны, с которой он частенько бывал и суров.

Крупнейшие актеры Малого театра не относились к нему как к «низшему персоналу», они считались с его мнением и указаниями, он запросто бывал в их обществе, и они уважали его как великолепного работника. В его профессии мало было ему равных. Артистов он нередко выручал в трудные минуты. Мария Николаевна рассказывала один эпизод из воспоминаний ее отца: он суфлировал как-то пьесу в стихах; актер, игравший главную роль, очень неважно знал ее. Одно место он забыл и стал делать отчаянные знаки Ермолову, чтобы тот «подавал». И вдруг Николай Алексеевич увидал, что как раз в этом месте вырвана часть страницы и не хватает восьми строк текста. Он тут же из головы сочинил эти восемь строк, подал их актеру и таким образом спас и текст и актера... Актеры любили его и отмечали, что часто были обязаны своим успехом этому невидимому, сидящему где-то внизу, в пыли и полутьме, другу, а после его смерти в одном из стихотворений, написанных в память его, ярко выразилось это отношение:

«Ты много лет незрим людским был взорам,
Ты, как улитка, в раковине жил,
Но другом был ты всем актерам,
С которыми служил.
Трудясь скромно в будке темной,
Похвал ты мало слышал от людей,

А между тем, работник скромный,
Из нас ты многих был умней.
Мы были на виду, блистали,
А ты нам тихо «подавал»...
Нередко лавры нас венчали,
Когда успех – Ермолов создавал».

Он был безусловно артистической натурой. Он написал пятиактную феерию из рыцарской жизни, писал водевили в стихах и прозе, которые ставились на сцене⁸, читал все, что мог добыть. Откликался на все новшества театра. Увлекающийся, даровитый, он был неудовлетворен в своих чаяниях и мечтах. Он был тяжело болен чахоткой, сидение в пыльной будке не способствовало здоровью, плохое питание также. Все вместе вызывало раздражительность и желчность – когда на него находили припадки гнева, домашние дрожали перед ним. Противоречить ему не смели... Он по-своему горячо любил детей, старался им давать, какие мог, радости, но строг был чрезвычайно и требовал неограниченного повиновения. Он был труден для других, труден и для себя – замкнутый, с большими переживаниями, которые высказывать не мог и не умел и которые выражались в гневе и волнении по первому попавшемуся предлогу. Впоследствии Мария Николаевна, которая была по натуре замкнута и недовольна своим характером, говорила шутя, что он ей достался от отца. Она рассказывала, что когда он с ней – уже взрослой – имел какие-нибудь серьезные объяснения, то никогда не мог словами высказать ей, чего он хочет от нее, чем недоволен, а только гневно и беспомощно восклицал: «Ах, Машенька... ах, Машенька... ах!» – и махал безнадежно руками. «Вот и я не умею никогда высказать всего, что чувствую...» – говорила она. Существует письмо, написанное Марией Николаевной своему будущему мужу, ясно показывающее, что Николай Алексеевич мучился сам и мучил окружающих – даже в позднейшие периоды жизни, когда дети стали выходить из-под его власти:

«Милый мой, мне нельзя сегодня прийти. Случилась ужасная история. Отец страшно болен. Все эти дни его ужасно мучило что-то, волновало, и наконец разыгралось страшным нервным припадком. Невозможно никак уйти... Он плачет, как ребенок, умоляет меня и маму простить его, целует руки... Говорит, что он убивает маму, закликает меня «будь честна, вот вся моя просьба к тебе, все, что я тебе оставляю». Вообще имеет вид человека, прощающегося с жизнью. Но я думаю, что это не больше как припадок...» По одному этому письму можно судить, какова была жизнь Ермоловых.

Мать Марии Николаевны, Александра Ильинична, в театре не служила, она посвятила всю свою жизнь сперва мужу и детям, потом внукам, – но кроме них она только и любила что театр. Была она кротости и тишины необычайной. Никаких ссор, никаких жалоб, никаких сплетен. Никогда ни о ком она не сказала дурно и свою трудную трудовую жизнь несла с благородной безропотностью, зная, что она ничем не в силах помочь, кроме того, чтобы как возможно покоить и беречь своего больного, неласкового мужа, – понимая всем мудрым сердцем своим, отчего он такой. Да, еще воспитывать дочерей, тоже изо всех сил стараясь, чтобы они были сыты, чисто одеты. Она шила на них и стирала и чинила их платьишки, и ни одной минуты, кроме редких моментов за воротами, не знала праздности.

Когда умер Николай Алексеевич, Александра Ильинична переехала жить к Марии Николаевне, но и в этой обстановке продолжала свою тихую жизнь, живя в доме Марии Николаевны благодатной тенью. Она была счастлива славой своей дочери, но никогда не тщилась как-

⁸ М. П. Садовский в неопубликованных записях указывает, что Н. А. Ермолов был соавтором пьес И. В. Самарина, имевших в свое время значительный успех.

то разделить ее или воспользоваться ею. Скромность привычек, вкусов, желаний – оставалась прежняя.

Она заботилась по-своему не только о физическом благополучии своих девочек, но и о их воспитании. В редкие часы досуга ее любимым занятием было читать им вслух все, что было дома, или заставлять их читать себе, пока она сидела за нескончаемой штопкой и чинкой.

Для их семьи книга была редким сокровищем. Опять привожу из воспоминаний Анны Николаевны: «У нас мало книг для чтения. Отец не может покупать их. О том, что можно записаться в библиотеку, я и не слыхивала. Да такой роскоши не мог бы себе позволить отец, получавший за свою трудную работу 30–40 р. в месяц. Денег едва хватало прокормиться. Однако по воскресеньям отец отправлялся к Сухаревой [рынок у Сухаревой, ныне снесенной, башни, где у старьевщиков можно было купить что угодно, начиная от старинного фарфора и кружев и кончая сапогами и колесами]». Там он покупал за гроши старые книги; так у них был и Пушкин, и Лермонтов, и даже купленный для детей целый год «Детского чтения». «Отец читал чудо как хорошо, – пишет Анна Николаевна. – Так плакать и захочется, если что-нибудь жалостное. Мама тоже хорошо, с чувством читает, но отец все-таки лучше».

Отец постоянно читал детям вслух стихи, пьесы, рассказывал о театре. Все это развивало воображение чуткого ребенка. Мария Николаевна рассказывала мне, как она с четырех лет уже мечтала о театре и жила уверенностью, что она будет *великой артисткой*. Не просто артисткой, а именно «великой». Это, казалось бы, так не вязалось с ее обычной скромностью. Но когда она рассказывала об этом, она вовсе не утверждала, что эта ее уверенность оправдалась, а просто не без удивления говорила о том, что она жила в ней с детских лет.

Может показаться странным это выражение, вернее – это понятие, у четырехлетнего ребенка. Но тут надо принять во внимание среду, в которой она росла и развивалась. Среда была бедная, убогая, но театральная. Все интересы ее вращались вокруг театра. Николай Алексеевич и сам играл, – ему частенько приходилось заменять какого-нибудь заболевшего актера благодаря тому, что он, как суфлер, знал наизусть почти все роли. Театр он любил страстно, и когда возвращался домой, то весь был полон впечатлениями от игры «великого Щепкина», «великого Садовского», и его взволнованные рассказы рано познакомили ребенка со словами «великий артист». Вскоре она начала по-своему понимать и таинственное значение этих слов.

В своих «Воспоминаниях», написанных для журнала «Новая рампа», Мария Николаевна говорит:

«Помню, когда мне было еще три года от роду, я сидела в суфлерской будке на коленях своего отца и с жадностью смотрела, что делается на сцене. Как сейчас вижу красивого человека в разорванном плаще, перелезающего через железную решетку, – это был «испанский дворянин» – И. В. Самарин. Я, конечно, уже не помню ни содержания этой пьесы, ни игры актеров, но неизгладимое впечатление о том, как он был прекрасен, благороден, как он кого-то защищал, кого-то спасал и наконец как он избавился от всех бед, которые ему угрожали, – все эти картины воскресают как живые у меня в памяти и ярки до настоящего дня.

Или вспоминается мне еще картина, также из впечатлений далекого детства, когда женщина, одетая в белое платье, с распущенными волосами, на сцене вдруг встает из гроба – это была Серафима Лафайль – Н. М. Медведева. Не поддается описанию, как это было прекрасно. Какое сильное впечатление оставила во мне эта картина, и я помню только одно, что впоследствии я долго бредила этой женщиной.

Я не была избалована слишком частыми посещениями театра. Отец редко брал меня с собою, но те впечатления, которые я выносила после каждого виденного мною спектакля, заполняли все мои мысли и желания. Театр стал для меня самым дорогим в жизни, и привязанность к нему возрастала все больше и больше. Даже детские игры – и те были наполнены театральным содержанием. Помню, как с помощью моего двоюродного брата я одевалась в длинную юбку своей матери или в бабушкину кофту, как стулья ставились у нас вверх ногами,

чтобы создать впечатление сцены, и как я бросалась на колени, кого-то о чем-то умоляя и прося. Такие игры мне никогда не запрещались, так как я росла в кругу театральной семьи, где все очень любили и ценили театр».

«Когда мы оставались вдвоем с матерью, – пишет дальше Мария Николаевна, – она читала мне все те пьесы, что были у отца. Я никогда не забуду, с каким увлечением мы обе, обливаясь слезами, перечитывали пьесу «Матрос», шедшую в то время на сцене Малого театра».

Матрос был одной из лучших ролей М. С. Щепкина. Щепкин умер, когда Марии Николаевне было уже десять лет, так что ей удалось, хоть и ребенком, повидать его. Она пишет: «Трудно, говоря о своих, хотя бы и беглых, воспоминаниях прошлого, не сказать о нашем великом учителе, М. С. Щепкине, научившем нас по-настоящему любить и уважать искусство».

Как не могла чуткая девочка не воспринять внешнее величие Самарина, его отчетливую декламацию, его благородство, которое отпечатлелось у нее в памяти, хотя давно забыты были слова и события пьесы, – так не могла она и не оценить той великолепной художественной простоты Щепкина, о котором она с таким благоговением пишет.

Так поняла она детской душой, что такое «великий артист», и бессознательно, но неудержимо стала стремиться к этому идеалу. Убеждение, что она будет «великой артисткой», росло вместе с ней. Росло тогда, когда подмостками для нее была «травка» на церковном дворе, где могильная плита играла роль гробницы Серафимы Лафайль. И тогда, когда она подростком в балетной школе, куда ее отдали «живущей», во взятом у няньки черном платке декламировала «Марию Стюарт», и даже тогда, когда Самарин, прослушав ее, нашел ее неспособной и, несмотря на приязнь к Николаю Алексеевичу, отказался заниматься с ней. Даже этот суровый приговор, так огорчивший ее отца, не смутил ее. И когда неожиданно приехала в школу Медведева и привезла ей, шестнадцатилетней балетной ученице, считавшейся неловкой и неспособной, роль Эмилии Галотти и велела выучить ее, даже тогда она не удивилась. Она словно только и ждала этой минуты, ждала, когда ее призовут на *подвиг*, как ждала когда-то ее любимая героиня, пастушка из Домреми, и так же пошла на него, ведомая не рассудком, а как бы внутренней силой, независимой от нее.

Юность. Трудные годы

Надо сказать несколько слов о балетной школе, где Ермолова получила свое «образование». Она была отдана туда пансионеркой и девять лет пробыла там.

Балетная школа была в то время единственным театральным училищем: драматического не существовало. Балетных учеников выпускали в случае надобности в драматических ролях, когда по пьесе требовались «дети», а наиболее способных принимали в драму. В школе, кроме танцев, воспитанников и воспитанниц кое-чему учили. Был даже учитель французского языка, Сент-Аман. Он хвалил Марию Николаевну за ее декламацию и находил, что у нее «много души». Но большинство учителей были убогие, один из них, например, уверял, что «сталактитовые пещеры – это такие пещеры, в которых сто локтей длины», и т. д.

Мария Николаевна хорошо училась, – у нее всегда была большая жажда знания, – но по одному предмету она шла плохо, а это был в балетной школе самый важный предмет – танцы. И учитель танцев и классная дама невзлюбили серьезную, задумчивую девочку, которая так трудно поддавалась балетной дрессировке; классная дама преследовала ее до того, что, когда мать приходила к ней по воскресеньям, Мария Николаевна плакала и жаловалась ей, говоря, что не знает, как угодить придирчивой наставнице... Мать беспомощно слушала горькие жалобы девочки и, вынимая из старенького ридикюля несколько конфет, говорила: «А ты дай ей конфетку, угости ее, – может быть, она добрее станет». Для девочки были мукой эти годы школы, – только горячая любовь товарок по школе поддерживала ее.

Тогда были уже 60-е годы, и даже за крепкие стены казенного здания, куда прежде удавалось проникать только любовным запискам обожателей из «золотой молодежи» да мечтам о романах, каретах и жемчугах, стали доходить веяния совсем других настроений. Правда, школа по-прежнему составляла главным образом рассадник хорошеньких девушек, призванных служить игрушками богатых содержателей; многие воспитанницы по-прежнему висели на окнах, наблюдая за тем, как к находившемуся рядом ресторану подкатывали балетоманы, и, перемигиваясь с поклонниками, восклицали: «Ах, девицы, вот ужас, *мой* промчался мимо!» или «Ах, девицы, вот душка-офицер! Я готова его обожать!» – но образовалась и другая, серьезная группа, между прочим – Карасева, «лидер» школы, народница, Топольская, впоследствии собравшая у себя кружок революционной молодежи, и родственница Медведевой – та самая Семенова, которая подала артистке мысль «попробовать» Ермолкову в «Эмилии Галотти». В этой группе были горячие поклонницы Машенькиного таланта, – часто у себя в школе воспитанницы устраивали в дортуаре «у комода» спектакли, а позже, с разрешения начальства, перенесли их и на школьную сцену. В этих спектаклях Машенька сначала изображала драматические сцены, копируя Медведеву, а позже, под влиянием нового учителя словесности Данилова, разыгрывала и серьезные вещи, например сцены из «Марии Стюарт».

Очевидно, уже тогда было что-то особенное в этой девочке: для подруг не было большего удовольствия, чем слушать Машенькину декламацию, и они гордились ею, не зная зависти. Но когда ей было тринадцать лет, отец Марии Николаевны в свой бенефис решил дать ей роль и выпустил ее в водевиле «Десять невест и ни одного жениха» в роли разбитной Фаншетты. Она вышла на сцену робко и неловко. У нее нарывал палец; он был завязан белой «куколкой», что ее очень смущало. Вдобавок отец не позволил ей нагримироваться, и она была бледна как смерть рядом с другими, накрашенными «невестами». Это удивительное лицо, призванное изображать трагедию, понятно, не подходило для водевиля. Ее глубокий, низкий голос так же мало годился для водевильных куплетов, как и ее лицо юной Сивиллы, и дебют ее был неудачен, к большому огорчению ее отца, знавшего, что и к танцам она неспособна. Самарин, специально прослушавший ее, резко отозвался о ее «бездарности» и сказал: «Пускай пляшет

себе у воды» (то есть на заднем плане, куда обыкновенно ставили самых неспособных танцовщиц). И казалось, что, кроме танцев «у воды», ей ничего больше не оставалось.

В истории театра всем известен рассказ о том, как Н. М. Медведева, в те времена первая артистка Малого театра, решила поставить в свой бенефис пьесу Лессинга «Эмилия Галотти», где играла роль герцогини Орсини. Артистка, которая должна была играть Эмилию Галотти, молодая Позднякова (Г. Н. Федотова)⁹, заболела. Бенефициантке предложили выбрать из молодых актрис, но она не видала среди них подходящей на эту сильно драматическую роль. Воспитанница балетной школы Семенова, бывавшая у нее по праздникам, рассказала ей, что у них в балете есть исключительно способная девочка, Машенька Ермолова, и что она «необыкновенно играет». Медведева, у которой другого выхода не было, решила ее «попробовать». Она поехала в балетную школу, велела вызвать Ермолову – застенчивую, безнадежно неспособную к танцам девочку, с глубокими глазами и глубоким голосом, и что-то, видно, в этих полудетских глазах заставило ее «поверить». Она дала девочке роль, велела ее обдумать, выучить и прочесть ей. Через несколько дней чтение состоялось. После первого же монолога Медведева, взволнованная, со слезами на глазах, воскликнула:

– Вы будете играть Эмилию!

Художественное чутье Медведевой правильно оценило Машеньку, и день ее бенефиса был первым днем появления на сцене той, кто долгие годы был потом украшением и гордостью Малого театра.

Безвестная ученица штурмом взяла Москву. Я еще застала очевидцев этого спектакля¹⁰. Подробности его известны из истории театра; все мнения сводились к одному: «что-то небывалое по силе и таланту». И при этом ей было только шестнадцать лет.

Впечатление, произведенное ею на зрителей, было огромно.

– Как же вы отпраздновали свой дебют? – спросила я как-то Марию Николаевну. Мне хотелось услышать, что были цветы, радостные лица, поздравления... Но было только то, что после спектакля она импульсивно бросилась в объятия Самарина, игравшего отца, и... почувствовала в ответ холодок. Вероятно, большого артиста смущала его собственная «промашка», и он это неприятное чувство перенес на невольную причину его... Зато настоящий отец, взволнованный и растроганный, крепко расцеловал ее... А потом ее увезли в старом рыдване в школу, где подруги не спали: собрались все «у комода» и долго расспрашивали, рассказывали, делились впечатлениями... Только и всего.

В этот вечер она записала в своем дневнике: «День этот вписан в историю моей жизни такими же крупными буквами, как вот эти цифры, которые я сейчас написала. Я счастлива... нет, я счастливейший человек в мире». Мечта ее сбылась, надежда осуществилась – она стала актрисой.

В школе оставалось пробыть еще два года. Эти годы принесли мало нового. Она окончила ее в мае 1871 года и была принята в труппу Малого театра. Несколько раз сыграла, еще будучи в школе, «Эмилию Галотти» с тем же успехом. Газеты писали об ожиданиях, которые юный талант вызвал в публике... Но больше крупных ролей ей не давали, если не считать, опять-таки в бенефис отца, Марфы в «Царской невесте» Мея, где она играла помешанную: роль невероятной трудности для совершенно неопытной артистки, но и тут правдивость и сила ее игры подкупили весь театр.

И опять – *ничего*.

Театральное «начальство», во главе которого стояли люди абсолютно неспособные поставить интересы искусства выше своих личных симпатий или выгод, точно испугалось той силы,

⁹ Гликерия Николаевна Федотова (1846–1925) – знаменитая актриса Малого театра, где она играла с 1862 г. Из-за болезни ног ушла со сцены в 1905 г., выступив после этого еще один раз – в свой пятидесятилетний юбилей, в 1912 г. В связи со столетием Малого театра получила звание народной артистки республики.

¹⁰ Он состоялся 30 января 1870 года.

которую так неожиданно увидело перед собой в лице этой гениальной девочки. Перед ней – неопытной, не умевшей еще владеть ни своим великолепным голосом, ни своими жестами, – вдруг побледнели остальные актрисы. И это не могло не устроить их.

Так или иначе, но Ермолону начали занимать только в незначительных, второстепенных ролях, шаблонных «инженю», бледных теней, вроде Бьянки в «Укрощении строптивой», где ей приходилось только подыгрывать Федотовой, и т. п.

Мария Николаевна страдала невыносимо. Она была тогда еще почти ребенком, она еще не выработала в себе силы воли, не понимала еще вполне, что она такое: она начала терять веру в себя – ту счастливую уверенность, которая поддерживала ее с детства.

Сохранилось несколько страниц из ее дневника, где она безыскусственно, по-детски говорит о своих переживаниях. Страницы эти относятся к 1871 году, когда ей было восемнадцать лет. Они находились в бумагах покойной Анны Николаевны, – к сожалению, это только несколько листков без начала и без конца, но для портрета Марии Николаевны в восемнадцать лет они драгоценны. Приведу их.

«...Бегали с мамашей к крестной¹¹. Ах, как мне хочется играть, как мне хочется жить... Сейчас я прочла у себя слова Вильде¹²: «...ей нужно на волю, ей нужны воздух, свобода». Да, я верно тогда предчувствовала, что мне не будет никакой свободы. О, я гораздо связанней, чем в школе. Здесь (то есть в Малом театре. – Т. Щ.-К.) я нахожусь под тяжелым гнетом, а выбиться из-под него нет сил.

29...

Вчера не записала день, потому что ночевала у Н. М. (Медведевой. – Т. Щ.-К.). Спешу скорей оправдать себя перед собой. Ушла к ней, а утром читала с ней роль Элизы¹³. Первый акт совсем почти переделан: теперь я очень вижу, как я была слаба в этой роли. Только дай бог мне сыграть ее хорошенько, эту роль: а то нынешний [год] точно какой сильный ветер сбил меня с ног – я только и играю одни маленькие роли. Кажется, исполняется желание наших артистов, я совсем отодвигаюсь на задний план. Но Н. М. говорит: «терпите и ни на что не обращайтесь внимания». Я так и делаю. Просить и вымалывать ролей я себе никогда не позволю... Господи, как бы это напомнить Самарину, что он обещал дать «Коварство и любовь» в свой бенефис¹⁴. Забыл он или нет... Если и не забыл, так, конечно, не даст... удивительно, как меняются люди на сцене и дома – и не узнаешь совсем. Например, нынешним летом я была у Шумского¹⁵, он говорил со мной, смеялся, а тут, то есть на сцене, опять генерал. Потом Самарин – дома черт знает чего ни наобещает, – а на сцене как зло смотрит; впрочем, теперь еще ничего, не то что было прежде. Например, он мне сказал летом: «Самарины вам никогда не сделают зла».

Вильде, – как его ни ругают, как он, может быть, в самом деле нечестно поступает, – но я всегда с отрадой вспоминаю о нем, и он дорог мне. Не потому, что я как-то влюблена была в него, а потому, что он первый заговорил со мной, как говорят люди, он первый пришел ободрить меня, когда я в первый раз играла Эмилию Галотти. Этого я никогда не забуду. Да и вообще он до сих пор не изменился. Как нынче, напр.: он был со мной очень любезен. Подал мне стул, смеялся, и я сама говорю с ним без стеснения, без робости. Нынче шло «Укрощение». Надоело оно мне порядочно, потому что дела нет, пройти раз по сцене и жди в уборной. Вчера, мы были с Н. М. в Большом театре, бенефис Додонова, шел «Громобой». Луиза Ванд пела

¹¹ Агафья Ильинична Туманова – сестра матери Марии Николаевны.

¹² Н. Е. Вильде – актер Малого театра (1832–1896).

¹³ Из пьесы «Хижина дяди Тома».

¹⁴ Лишь в апреле 1874 г. Ермолова выступила в роли Луизы в «Коварстве и любви» Ф. Шиллера.

¹⁵ Сергей Васильевич Шумский (1821–1872) – известный актер Малого театра, где он выступал с 1841 г.

сцену из «Фаворитки» очень хорошо. Только раз я была на Вильде за что-то сердита, нет, я сердиться не имею права, а мне было неприятно, что он сказал, что мне дадут 400 рублей жалованья. Значит он думает, что я не стою больше. Это еще было перед выпуском. Спать еще не хочется – папаша страшно кашляет. Как бы я желала, чтобы Н. М. прочла мой дневник, что бы она сказала... Я хотела сказать и не решилась. Боже мой, неужели у меня никогда не будет характера побольше этого, лучше бы мне, право, умереть – только бы сыграть «Коварство и любовь».

Дай бог, чтобы поскорей пятница – играть мне так хочется и вдруг отменят.

31...

Нынче записывать, ей-богу, нечего. Ходили в баню, мыли полы у нас: вот все, что было замечательного. Как-то я завтра сыграю.

1 октября.

Ах, как я нынче недовольна собой, все бы ничего, играла недурно, только соврала в последнем акте, и оттого Шумский опоздал и рассердился на меня¹⁶. Принимали отлично. Господи, господа, ждала я этого дня с таким нетерпением. Впрочем, что же? Все почти было хорошо; только Шумский сказал, что лучше бы мне в своих волосах остаться, чем играть в безобразном парике. Была Н. М., чему я рада была, она за меня с Шумским немножко поругалась, все из-за парика. Он сказал ей: «Отчего она не смотрит». А она сказала: «Зачем он говорит тогда, когда выходить на сцену». Вильде сказал, что я с ним поздоровалась как-то вопросительно, я была сердита по случаю парика. Была в театре Никулина¹⁷. Против ожидания была со мной ласкова, подошла ко мне и заговорила со мной... Скоро, скоро, должно быть, наступит мой отдых; скоро я ничего не буду больше играть. Ах, как злит меня моя ошибка. Поскорей бы на новую квартиру, а то такая теснота, что ужас... Спать очень хочется. Какая я дура, боже мой, сколько раз собиралась поговорить откровенно с Н. М. и не могу: слова так и замирают на губах.

«Эх ты, страсть роковая, бесплодная,
Отвяжись, не тумань головы».

2...

Нынешний день я все училась, то есть по-немецки, и играла на фортепиано, а вообще – он прошел так же однообразно, как и все другие. Скучно так жить. А нет силы, нет воли переменить эту жизнь, а главное, нет характера. Что мне жизнь даст, то я и беру от нее, сама не могу ничего сделать, остаюсь вечно под каким-то тяжелым гнетом, я не дышу свободно. Лучше бы, право, умереть, я никому не нужна, ни на что не годна.

6...

Насилу додумалась, какое нынче число, два дня не была дома, оттого и позабыла. В воскресенье пошла к Н. М. и пробыла у ней до вторника. Нынче я играла «Укрощение». Было очень скучно. Все враги. У Н. М. было по обыкновению весело, только я у нее не выспалась, потому что ложились каждый день в два часа. Был Гирчич. Читал нам Бёрне, разбор Гамлета; толковал нам, объяснял почти каждое слово: я все с ним спорила, заступалась за Гамлета, потому что Бёрне страшно на него нападает. Н. М. просила прийти и завтра, прочесть с ней «Свадьбу Фигаро».

¹⁶ 1 октября 1871 г. Ермолова играла в Малом театре Элизу в «Хижине дяди Тома» (пер. М. Федорова).

¹⁷ Надежда Алексеевна Никулина – известная актриса Малого театра, где она играла с 1863 по 1914 г.

Вчера были на именинах у крестного. Нынче я встала в 12 часов и легла в час и потому целый день точно вся изломанная. В пятницу идет «Параша-Сибирячка». Нынче рождение Н. М.

10 октября. Воскресение.

Я нынче так счастлива, так довольна. О, блаженный день, я играла Эмилию Галотти. Совершенно нечаянно ее только нынче назначили. Вот в этой роли, когда я играю ее, я чувствую в себе что-то такое, огонь какой-то, я увлекаюсь, я все забываю, только именно в этой роли. Да она одна и есть мне по сердцу, моя любимая. Нынче я хорошо играла. Принимали великолепно, и я думала, что как в последний раз мы играли в праздник, совсем не принимали... Что с Самариным случилось? Когда мы с ним выходили на вызов, он сказал мне: «Вы были такая (как вышли) хорошенькая, такая интересная, что я заплакал», и после, за кулисами, поцеловал у меня руку. Неужели я его могла так растрогать? Н. М. тоже хвалила. Три дня у ней была, только нынче узнала. Была у ней свадьба Ольги Вейнберг, я была после «Параша-Сибирячки». Вот милая-то пьеска, когда-то она провалится? Но нынче так поразило всех, что назначили «Эмилию Галотти». Все, конечно, роли забыли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.